

КУРАЛАЙ БИБИТАЛЫЕВНА УРАЗАЕВА
(Нур-Султан, Казахстан)

**Коммуникативная онтология А. Пушкина в одесской лирике.
«Впечатленья бытия» и текст как инобытие автора**

Аннотация. Статья посвящена изучению пушкинской онтологии с применением методов коммуникативной онтологии. Особенности коммуникативной онтологии рассмотрены на примере трудов Ю. Лотмана, посвященных одесской лирике А.С. Пушкина; систематизированы параметры онтологического измерения коммуникации. Обоснование «одесского текста» Пушкина как инобытия осуществлено с позиций корреляции текста автора с системой формирующих его контекстов. Такое представление способствовало классификации контекстов бонапартизма, Православия и фаустианского текста как философско-художественных параметров пушкинской онтологии. Показаны перспективы развития идей и методов Ю.М. Лотмана для последующего изучения бонапартизма и его смысла, парадоксального для русской истории, а также определены пути анализа роли Православия как почвы религиозной художественности и фаустианского текста.

Ключевые слова: пушкинская онтология, коммуникативная онтология, бонапартизм, русский Фауст

Предпринятый в статье подход сфокусирован вокруг пушкинской онтологии, исследование которой осуществляется посредством методов коммуникативной онтологии. В этом смысле анализ пушкинской онтологии, имеющий прецедент в трудах В.С. Непомнящего, создает предпосылки для расширения онтологии коммуникации и способствует обоснованию представления об инобытии текста как корреляции текста автора с системой формирующих его контекстов. Такой прецедент содержат фрагменты работ Ю.М. Лотмана, посвященных стихотворению А.С. Пушкина «Демон» как центральному в одесской лирике произведению, в синтезе с произведениями «Свободы сеятель пустынный», «Недвижный страж дремал на царственном пороге», «Зачем ты послан был и кто тебя послал?».

Современный взгляд на методологию Лотмана позволяет выделить и обобщить научные парадигмы, направленные на структуру восприятия реципиента и его влияние как на автора, так и всю цепь коммуникации. Актуальность работы обусловлена изучением пушкинской онтологии с использованием методов коммуникативной онтологии. Развитие идей Ю.М.

Лотмана об одесской лирике А.С. Пушкина, его сюжетной и исторической интерпретации делает возможным выявление в методологии ученого приемов онтологического измерения коммуникации и трансляции на пушкинскую лирику эстетических и этических характеристик одесского текста поэта.

Рассмотрение следующих вопросов: контекстов, формирующих одесский текст, а именно бонапартизм с его смыслом, парадоксальным для русской истории, Православие как основу религиозной художественности и фаустианский текст – ставит целью рассмотрение пушкинской лирики одесского периода в аспекте онтологических параметров коммуникации. Для достижения заявленной цели предусмотрено решение задач: выявление в методологии Лотмана параметров онтологического измерения коммуникации, а также обоснование одесского текста Пушкина как инобытия, или корреляции текста автора с системой формирующих его контекстов – бонапартизма, Православия и фаустианского текста.

Новые подходы коммуникативной онтологии заключаются в дефинировании этического и эстетического измерений коммуникации в связи с включением в ее пространство не только «индивидуальностей, но и [...] исторических пространств взаимодействия, активности, пересечений» (КОСТИНА 2005: URL). Включение трудов Лотмана в систему коммуникативной онтологии представляется плодотворным по следующим причинам. Известно, что традиционно выявление онтологических параметров коммуникации предусматривает внимание к экзистенциальной литературе, сфокусированной вокруг смысла коммуникации. Здесь исследователь выделяет труды С. Кьеркегора, К. Ясперса, О. Больнова, М. Бубера, М. Хайдеггера и др., направленные на установление фундаментальной роли коммуникации в ее связи с «трансценденцией, рисками индивидуального существования, испытания Другим» (КОСТИНА 2005: URL), и концепцию персонализма, которая характеризуется описанием коммуникаций сознаний, взаимопонимания, подлинной личности. Общность второй группы характеризуется изучением онтологических условий коммуникации в герменевтической перспективе. Обобщая труды семиотиков, русских и зарубежных, О.В. Костина противопоставляет безусловным преимуществам: многоуровневому анализу текста, конкретности исследований, изучению коммуникации как знакового пространства культуры – их односторонность и обусловленность односторонности ориентированностью на «информационную модель коммуникации, которая значительно сужает и обедняет содержание исследования темы онтологии коммуникации» (КОСТИНА 2005: URL). Между тем выделенную исследователем «повышенную чувствительность» «современной культуры к проблемам смыслообразования и текстообразования» (КОСТИНА 2005: URL), являющейся признаком онтологического измерения коммуникации, можно применить к результатам исследования Лотманом пушкинского текста периода южной ссылки.

Применение основных идей коммуникативной онтологии в границах рассматриваемой теме обусловлено снятием антиномии между субъектом и объектом именно в онтологическом плане, как указывает на то другой исследователь. Рассматривая субъект и объект как продукты коммуникации, В.Е. Буденкова разграничивает их онтологическое различие: «Субъект теперь не только выявляет связи между объектами и закономерности их существования, оставаясь "безучастным" к ним, он формирует связи, обеспечивающие существование объекта и его собственное. В современной науке реальность "держится" субъектом, а объект есть то, в какие отношения он включен. Он "раскрывается"» (БУДЕНКОВА 2006: 36). Приведенная мысль отражает изменения традиционных представлений о познании и способах его осмысления. Идеи Лотмана, касающиеся одесской лирики Пушкина, могут быть дополнены с точки зрения взаимоотношений субъекта и объекта, включенных в систему сюжетной и исторической интерпретации, когда персонализирующие Историю субъекты становятся ее объектами, а История эволюционирует в субъект как индикатор духовной и эстетической концепции Пушкина, несущей следы «расставания» с романтизмом и запечатлевающей становление реализма. С таким представлением перекликается мысль В.И. Тюпы об интерсубъективных значениях, содержащих «высший смысл данного коммуникативного события», соединяющего объективность знаков и субъективность их смысловых значимостей (ТЮПА 2019: URL). Рассмотренная ученым проблема метаадресата и метасубъекта соотносится в настоящей работе – в контексте коммуникативной онтологии – с понятием инобытия текста, основанным на сознании адресата лотмановского прочтения пушкинского текста. В таком случае метасубъектом выступает пушкинская онтология как авторская концепция истории. Мысль Лотмана о сюжетной и исторической интерпретации Истории может быть уточнена в аспекте трех составляющих: бонапартизма, точнее его парадоксальной природы для русской истории, Православия как почвы религиозной художественности, фаустианского текста как версии демонизма и русского романтизма.

Актуальность изучения пушкинской онтологии посредством коммуникативной онтологии подтверждается современным пониманием в философии конвенциональности научной истины. Одно из пониманий научной истины заключается в том, что она «общезначима (интерсубъективна). Иными словами, она становится значима не в рамках одной научной дисциплины, а в междисциплинарной, коммуникативной сфере» (ФЕДОРОВА 2012).

Мысли В.И. Тюпы об онтологических опорах коммуникации в таком определении, как «загадка вечности мира и тайна его личностности», дискурсе как «переложении прототекста 'безъязыковой' внутренней речи на общепонятный текстообразующий язык», который в свою очередь представляет собой «чрезвычайно сложный процесс расчленения мысли и ее воссоздания в словах» (ТЮПА 2019: URL), интересны рассмотре-

нием фаустианского текста, в том числе русского Фауста как прототекста, коррелирующего с текстом «русского» Гамлета. Изучение фаустианских мотивов в русской литературе составляет отдельную область. Наиболее популярные интерпретации русского Фауста восходят к образу Ивана Карамазова. Вместе с тем репрезентация аксиологической архитектоники романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», предпринятая современным ученым (СТЕПЧЕНКОВА 2022), обращает внимание на большую связь с корпусом ценностных мотивов Православия, в сравнении с фаустианским текстом. Ученый указывает на тяготение духовно-религиозных истоков духа отрицания к Православию.

Следует обратить внимание на работу Г.Г. Ишимбаевой, посвященную типологии фаустианского текста Гете и Пушкина. В работе объектом сопоставления стала система действий «духа отрицающего», отрицательно-самоопределения через противопоставление я и не-я (ИШИМБАЕВА 2014). Следует также отметить диссертацию Н.С. Васина о рецепции образа Фауста в произведениях и творчестве писателей русской литературы 20–60-х годов XIX века (ВАСИН 2012: URL). Исследование переводческой, литературной, литературно-критической и публицистической фаустианы позволило ученому осуществить реконструкцию и изучение рецептивной модели усвоения трагедии Гете в русской литературе рассмотренного периода и выделить основные тенденции фаустовской проблематики: трактовку Фауста как исторического типа с опорой на компаративистский подход, рассмотрение его как психологического типа, интерпретации, в которых литературный герой выступает онтологическим и символическим типом. В упомянутой диссертации объектом анализа стала и пушкинская фаустиана как источник национальной интерпретации образа Фауста, в частности, в творчестве В.Ф. Одоевского, И.С. Тургенева и пародийных публикациях «Искры». Ученый описал и пушкинскую эстетику на материале стихотворений «Демон», «Разговор книгопродавца с поэтом»), фрагментов («Таврида», «<В.Ф. Раевскому>», «Сцена из Фауста»), черновых набросков («Наброски к замыслу о Фаусте», «Сцены из рыцарских времен»), «Евгения Онегина», «Бориса Годунова» и «Маленьких трагедий».

Трансформация гётевского героя в русской и зарубежной словесности XX в., исследованная на материале произведений таких писателей, как Т. Манн, К. Манн, Г. Гессе, П. Валери, Г. Стайн, Дж. Керуак, Ф. Дюрренматт, М.А. Горький, Л. М. Леонов, В. Я. Брюсов, И. Л. Сельвинский, М. А. Булгаков, И. А. Бродский и др., привела ученого Г.В. Якушеву к мысли о кризисе «знакового» персонажа века Просвещения в эпоху реализма (ЯКУШЕВА 2005).

Таким образом, выбор коммуникативной онтологии и компаративной риторики в качестве методологических подходов, а также учет результатов русской фаустианы, обусловленный интерпретацией контекста как одного из проявлений дискурса бонапартизма Православия и фаустианы,

способствует выделению и обобщению предпосылок названных подходов в научной стратегии Лотмана и их применению для изучения пушкинской онтологии. Аналогичный опыт был предпринят автором настоящей статьи в работе о роли стихотворений А.С. Пушкина «Демон» (опубликованного как «Мой Демон» в «Мнемозине» в 1824 г.) и М.Ю. Лермонтова «Мой Демон» («Собрание зол его стихия...», 1829) как истоков двух типов отношения к традиции Байрона и двух модификаций русского демонизма в литературе романтизма (УРАЗАЕВА 2008). Тогда же и была поставлена проблема изучения литературы с позиций коммуникативной онтологии.

Интересным является установление методов коммуникативной онтологии в работах Лотмана, посвященных пушкинской лирике одесского периода. Оценка Лотманом стихотворения Пушкина «Демон» как центрального в одесской лирике была обусловлена контекстом, в котором различимы такие его виды, как биографический (настроение молодежи, о котором писал А.С. Грибоедов С.Н. Бегичеву, намекая на возможность самоубийства (ЛОТМАН 1995: 87)), авторский литературный («Свободы сеятель пустынный...», «Недвижный страж дремал на царственном пороге...», «Зачем ты послан был и кто тебя послал?...»), а также контекст религиозной художественности. Последний из отмеченных контекстов составил особый пласт в творчестве поэта, в котором сигналами осмысления Православия явились семиотически нагруженные заглавия. Отчетливо проступающая связь между программным характером названий и датами создания произведений позволяет охарактеризовать данный контекст как концептуально-хронологический. Так, отрывки и стихотворения «Вечерня отошла давно» (1821), «Люблю ваш сумрак неизвестный» (1822), «На тихих берегах Москвы» (1822), «Надгробная надпись кн. Голицыну» (1823), «Ангел» («В дверях эдема...») (1827), «Эпитафия сыну декабриста С. Волконского» (1827), «Воспоминание» (1828), «Монастырь на Казбеке» (1829), «Еще одной великой важной песни» (1829), «Воспоминания в Царском Селе» (1829), «Стансы митр. Филарету» (1830), «Мадонна» (1830), «Заклинание» (1830), «Для берегов отчизны дальней» (1830), «Юдифь» (1832), «Напрасно я бегу к сионским высотам» (1833), «Странник (из Буньяна)» (1834), «Когда великое свершилось торжество» (1836), «Молитва» («Отцы-пустынники») (1836) не только несут следы ритуальной христианской образности, но и воссоздают духовный маршрут поэта в движении к очищению от тягот брэнного мира и закрепляют окончательное приятие мира в ценностях Православия. Сравнение с опытом атеизма поэта в период южной ссылки и формирование коранического текста в поэтике Пушкина позволяют выделить внутри контекста религиозной художественности транзитную модель духовного пути поэта. Пушкина в период создания коранического текста друзья называли 'Апостолом Мухаммада'. Это был период формирования русского ориентализма подражательного толка.

В произведениях Пушкина данный период отозвался «Подражаниями Корану», «Татарской песней» в «Бахчисарайском фонтане», стихотворением «Стамбул гяуры ныне славят». Казахстанский ученый С. Абдрахманов отметил использование русским поэтом 33 сур Корана из имеющихся 114 (АБДРАХМАНОВ 2006: 25).

Различение контекстов значимо с точки зрения дефинирования в нем разновидностей бонапартизма не только в его социальном изводе, но и как литературной игры, источника романтического бунта. Появляется возможность обособить разные проявления демонизма. Ключевым, на наш взгляд, является концепт «свобода». Рассмотрение концепта в аспекте бонапартизма стало в настоящей работе границей между фаустианским текстом как контекстом демонизма и Православием как религиозно-художественным контекстом. Транспозиция данных контекстов в плоскость этического и эстетического измерений коммуникации выявляет природу пушкинской онтологии.

В «Демоне», помимо традиционно вычленяемых контекстов, православного и демонического, одинаково определяющих романтический контекст, важен и фаустианский слой. Выделение православного контекста основано на отсылке Лотмана к пушкинскому признанию о «Демоне» и воплощении в нем цели «нравственной», что коррелирует с мнением В.И. Кулешова о духовном содержании лирики периода михайловской ссылки, когда поэт, преодолевая демонизм, совершил поворот к Божескому: «Михайловское – обретение духовных ценностей. Все демоническое уступает место Божескому: *Туда б, в заоблачную келью, // В соседство Бога скрыться мне! Фаустовское «Все утопить» – победа над бесом Мефистофелем* (КУЛЕШОВ 1997: 18). Собственно, «нравственная» цель поэта в «Демоне» обусловлена темой искушения провидения.

Мысль о рассмотрении фаустианского текста как разновидности демонизма иллюстрируется в стихотворении сигналами лирического сюжета, который формируется мотивами «какого-то злобного гения» и «тайных свиданий» (ПУШКИН 1947а: 299). Антагонизм чувств лирического героя, его «возвышенные чувства», волнующие кровь «свобода, слава и любовь», «вдохновенные искусства», осеняющая лирического героя «тоска» реконструируют основной признак пушкинской онтологии – дискурс демонизма и дискурс пушкинского Фауста как сомневающегося Демона, как «умного человека».

Стихотворение «Свободы сеятель пустынный...» (ПУШКИН 1947а: 302) продолжает линию трагических сомнений поэта и понимания свободы как дара. Стихотворения «Недвижный страж дремал на царственном пороге...» (ПУШКИН 1977: 158–160) – об Александре I и Наполеоне – и «Зачем ты послан был и кто тебя послал?..» (ПУШКИН 1947б: 314) раскрывают тему бонапартизма, загадку Наполеона, который преподнес исторический урок Европе.

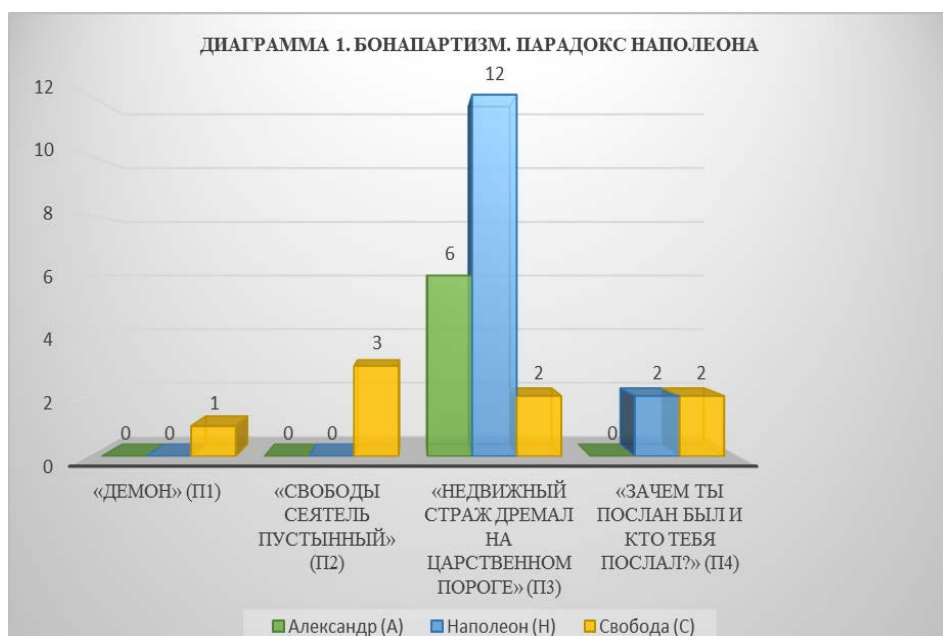
Систематизация контекстов, формирующих дискурсы бонапартизма, Православия, фаустианского текста, рассмотрена в плане внутренней структуры. Так, дискурс бонапартизма – как парадокс Наполеона – дефинирован в понятиях свободы (С) и Наполеона (Н), что позволило сравнить стихотворения «Демон» (П1), «Свободы сеятель пустынный» (П2), «Недвижный страж дремал на царственном пороге» (П3), «Зачем ты послан был и кто тебя послал?» (П4) в плане динамики размышлений поэта о природе деспотизма и развенчания кумира. Так происходило движение поэта от романтизма к реализму. Частотность упоминаний концепта «свобода» и образа-символа как семантически значимых и семиотически нагруженных смыслом единиц характеризует дискурс Православия в П2. В силу аллюзивной и дискурсивно-иконической природы концепта рассматриваемое стихотворение вступает в диалог с П4. Так завершается одесский цикл и происходит окончательный приход поэта к Православию и преодоление моды на Коран.

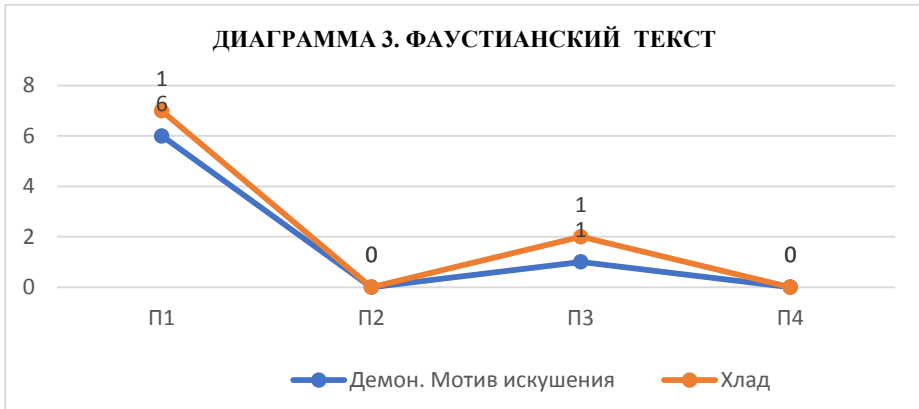
Фаустианский текст – как разновидность демонизма – рассмотрен в аспекте мотива искушения и семиотического «хлад», что позволяет проследить развитие темы искушения провидения.

Итоги сопоставления произведений в аспекте обозначенных контекстов отражает Таблица 1 и составленные на ее основе 3 диаграммы, которые соответствуют трем названным дискурсам.

**Таблица 1. Контексты. Бонапартизм. Православие.
Фаустианский текст**

«Демон»	«Свободы сеятель пустынный»	«Недвижный страж дремал на царственном пороге»	«Зачем ты послан был и кто тебя послал?»
П1	П2	П3	П4
Бонапартизм. Парадокс Наполеона			
«Свобода» (С)			
1	3	2	2
Наполеон (Н)			
0	0	6	2
Православие			
0	4	0	2
Фаустианский текст как разновидность демонизма			
Демон. Мотив искушения			
6	0	1	0
«Хлад»			
1	0	1	0

Результаты сравнительного анализа дискурсов показывают устойчивость размышлений поэта о свободе как главном ценностном понятии в тезаурусе бонапартизма. Сопоставление П3 и П4 показывает окончательное освобождение автора / лирического героя от кумира. Сопоставительный анализ пушкинской лирики с позиции этической характеристики онтологической коммуникации помогает понять причины низвержения Наполеона. Динамика фаустианского текста показывает освобождение ссыльного поэта от литературной игры в байронизм и мельмотизм и победу реализма в поэтике Пушкина, ее сопровождение отказом от демонизма в результате влияния Православия.

Этическая характеристика как онтологический измеритель коммуникации рассмотрена в аспекте таких ценностных составляющих, как «презрение» и «цинизм».

Таблица 2. Этическая характеристика как онтологический измеритель коммуникации. «Презрение». «Цинизм»

«Демон»	«Свободы сеятель пустынный»	«Недвижный страж дремал на царственном пороге»	«Зачем ты послан был и кто тебя послал?»
П1	П2	П3	П4
«Презрение». «Цинизм»			
6	3	1	6

Составленная таблица отражает своего рода цикличность, которая показывает становление духовной зрелости поэта, победу провидения и освобождение от духа отрицания. За числовым совпадением стоят разные поэтические субъекты. В П1 это результат литературной игры и табуированного полицейского демонизма как биографического и литературного контекстов. В П4 фигура Наполеона утратила парадоксальность и загадку и стала отражением «цинизма» как сути деспотизма и победы реакции над революцией.

Итак, описание методологии Ю.М. Лотмана в понятиях коммуникативной онтологии показывает возможность анализа пушкинской онтологии в аспекте представления о лирике как историко-художественной и социальной коммуникации. Такой взгляд стал основой описания одесского текста Пушкина как инобытия. Размышления о природе деспотизма характеризуют становление исторической концепции революции в аспекте формирующих его дискурсов бонапартизма, Православия и фаустианского текста. Освобождение поэта от загадки Наполеона и приход к Православию иллюстрируют преодоление романтизма и приход к реализму.

Развитие идей Лотмана в русле коммуникативной онтологии создает перспективу описания метасубъекта и метаадресата пушкинской лирики как конструкторов пушкинской онтологии.

Литература

- АБДРАХМАНОВ 2006 = АБДРАХМАНОВ С. Коран и Пушкин. Астана: Елорда, 2006.
- БУДЕНКОВА 2006 = БУДЕНКОВА В.Е. Коммуникативная онтология как основание современной эпистемиологии // Вестник Томского государственного педагогического университета, 2006. №7 (58). 33–37.
- ВАСИН 2012 = ВАСИН Н.С. Рецепция трагедии «Фауст» И.В. Гёте в русской литературе первой трети XIX века // Филология и человек, 2012. № 2. <https://cyberleninka.ru/article/n/retseptsiya-tragedii-faust-i-v-gete-v-russkoy-literature-pervoy-eti-xix-veka> (Дата обращения: 01.04.2022)
- ИШИМБАЕВА 2014 = ИШИМБАЕВА Г.Г. Образ Фауста в немецкой литературе XVI–XX веков. Москва: Литагент Финта, 2014.
- КОСТИНА 2005 = КОСТИНА О.В. Онтология коммуникации. Дис. на соискание ученой степени д-ра философ. наук. Саратов, 2005. <https://www.dissercat.com/content/ontologiya-kommunikatsii> (Дата обращения: 01.04.2022)
- КУЛЕШОВ 1997 = КУЛЕШОВ В.И. А.С. Пушкин и христианство // Русская литература XIX века и христианство. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 10–25.
- ЛОТМАН 1995 = ЛОТМАН Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя // Лотман Ю.М. Пушкин. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 1995.
- ПУШКИН 1947а = ПУШКИН А.С. Полное собрание сочинений: В 16 тт. Т. 2, кн. 1. Стихотворения, 1817–1825. Лицейские стихотворения в позднейших редакциях. Москва – Ленинград: издательство АН СССР, 1947.
- ПУШКИН 1947б = ПУШКИН А.С. Полное собрание сочинений: В 16 тт. Т. 3, кн. 1. Стихотворения, 1817–1825. Лицейские стихотворения в позднейших редакциях. Москва – Ленинград: издательство АН СССР, 1947.
- ПУШКИН 1977 = ПУШКИН А.С. Полное собрание сочинений: В 10 тт. Т. 2. Стихотворения, 1820–1826. Ленинград: Наука, 1977.
- СТЕПЧЕНКОВА 2022 = СТЕПЧЕНКОВА В. Ценностные доминанты в мотивной структуре романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата филол. наук. Москва: МГОУ, 2022.
- ТЮПА 2019 = ТЮПА В.И. Дискурсные формации. Очерки по компаративной риторике. Москва: Юрайт, 2019. https://mx3.urait.ru/uploads/pdf_review/7CE369F4-4328-4444-8C6E-237BA683B8C5.pdf
- УРАЗАЕВА 2008 = УРАЗАЕВА К.Б. Художественная антропология русской литературы XIX века: текст как инобытие автора. Тема Демона в поэтике А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова // Материалы III международной научной конференции «Феномен творческой личности в культуре». Фатющенковские чтения. Москва, 2008. 455–461.
- ФЕДОРОВА 2012 = ФЕДОРОВА Н.Г. Научная истина в контексте коммуникативной онтологии // Вестник Томского государственного университета, № 362. 40–42.

ЯКУШЕВА 2005 = ЯКУШЕВА Г.В. Фауст в искушениях XX века: Гетевский образ в русской и зарубежной литературе. Москва: Наука, 2005.

A. Pushkin's Communicative Ontology in Odessa lyrics. “Impressions of Being” and the Text as the Author's Otherness. The article is devoted to the study of Pushkin's ontology with application of communicative ontology. The methods of communicative ontology in the works of Yu. Lotman about the Odessa lyrics of A. Pushkin are investigated, the parameters of the ontological dimension of communication are systematized. The substantiation of Pushkin's “Odessa text” as an otherness is carried out as a correlation of the author's text with the system of contexts forming it. This view contributed to Bonapartism contexts’ classification, Orthodoxy and the Faustian text as philosophical and artistic parameters of Pushkin's ontology. The prospects for the development of Yu. Lotman's ideas and methods for the analysis of Bonapartism and its paradoxical meaning for Russian history, Orthodoxy as a philosophy of religious artistry and the Faustian text are shown.

Keywords: Pushkin’s ontology, communicative ontology, Bonapartism, Russian Faust